

19.04.03

Козлов Григорий

Приключения провинциала в городе

Последний спектакль «Золотой маски» под звон бутылок уехал из Москвы.

Спектакль Санкт-Петербургского ТЮЗа им. Брянцева «Дневник провинциала в Петербурге» по Салтыкову-Щедрину в постановке колоритного петербургского режиссера Григория Козлова и исполнении не менее колоритного петербургского актера Алексея Девотченко выдвигался на две «Золотые маски». Как лучший спектакль малой формы и — Алексей Девотченко — как лучший исполнитель мужской роли — господина N. Но награды не получил ни одной. Да и ничего страшного — у Девотченко и так целая коллекция всевозможных премий — от премии имени Станиславского до Государственной. А спектакли Козлова в Москве и без того идут при полных аншлагах — по два дополнительных ряда стульев приходится прямо на сцену ставить.

«История моего героя — вечная и узнаваемая российская судьба умного и одаренного человека, не знающего, куда себя деть, — писал Алексей Девотченко. — И это очень петербургская история, в ней есть Город с присущей ему фантазматорией, нереальностью происходящего... Сатира, на мой взгляд, жанр не очень театральный. Когда мы делали спектакль, сатирическая сторона романа ушла, а на передний план вышла трагическая история о крушении надежд, иллюзий и идеалов юности при столкновении с реаль-

НИКОЛАЙ ФЕДОРОВ

ной, но до конца не постижимой петербургской жизнью».

В Москве над этим очень смеялись. Хохотали, как ненормальные, разве что с кресел не падали. А в Петербурге, говорят, окатили «Дневник» крещенским холодом. Там такая тема — едет господин N из губернии N в город Петербург. За культурой, за искусством, за свежим воздухом. Но, приехав туда, по причине «душевной рыхлости» оказывается в одном отеле с земляками и сначала ищет с ними какую-то концессию и сильно пьет, потом пытается приобщиться к искусству и тоже пьет. Все почему-то неизбежно сводится к одному, только в первом случае господин N оказывается пьян с половины пятого дня, а во втором — с половины пятого утра. Баня и клизма раз в пятнадцать — двадцать дней при-

В Москве на этом спектакле хохотали, как ненормальные

водят его в чувство, но ненадолго. Зонт, пузырьки, тазики, свечки. Вся нехитрая декорация. Но пятилитровых бутылок, агтечных склянок — больших и маленьких, банок и всевозможной посуды оказывается столько, что его хватает уставить все свободное от Девотченко пространство на сцене. Да, еще есть пучок перьев — одианных крыльев мечты, которые стодились герою как веники в бане. Где отчаявшегося человека мучают отчаянные вопросы «куда же мы в самом деле идем» и «зачем же я приехал в Петербург». Год такой бурной петербургской жизни приводит героя в жилище скорби. Где среди умалишенных он опять же встречает своих земляков...

Это моноспектакль — Алексей Девотченко играет одновременно несколько разных характеров в гротескном ключе. Как и всегда, Девотченко хорош в любой роли и в любом ракурсе, а в образе пьяного он просто великолепен и убедителен невероятно. Как будто играли в загул, репетировали в запой, а пьесу писали на одном выдохе.

Но когда я спросила **режиссера ГРИГОРИЯ КОЗЛОВА**, много ли водки было выпито с Алексеем Девотченко во время репетиций, он почему-то обиделся:

— А мы с ним не пьем. Правда. А зачем? Я пью с другими. И он тоже. Мы с ним работаем.

— Как тогда происходило ваше совместное творчество с Девотченко? «Дневник» ведь — «комбипродукт», который писался вместе, ставился вместе...

— Это действительно так, как и всегда бывает у нас с артистами — мы все вместе сочиняем. Здесь же Девотченко начал сам и с другим режиссером. Но режиссер уехал в Америку. А у него творческий вечер, и я говорю: Леш, давай я тебе помогу, моей фамилии в программке не надо. Но он, как умный артист, сказал об этом в интервью. На творческом вечере мы другое показывали. А с «Дневником» пришлось полтора месяца поработать, чтобы он стал спектаклем. Этого достаточно — мы шестую постановку вместе делаем. Один пример с репетиций. Я ему говорю: Леша, эту историю рассказывай

маленькой бутылочке. Он смеется, другие не понимают, чего смеяться. Потом он мне говорит — а эту историю я буду рассказывать туда (посыл текста идет к пузырьку в противоположном углу сцены. — Ред.). Я смеюсь, остальные молчат. Потом Леша делает эпизод. Сменяются все, а мы сидим. И так далее.

— Бутылоч на сцене выставляется определенное количество?

— Это город. Это понятно?

— Понятно, но не ясно, как столько громяющей тары вы возили из Петербурга в Москву.

— Когда мы ездили в Новосибирск, бутылочки не возили — там нашли. Но как их сейчас транспортировали, я не знаю. Клянусь.

— Это была не ваша проблема?

— Нет.

— А идея ваша?

— Наша...

— В спектакле провинциала, попавшего в Санкт-Петербург, терзает следующее: чего-то все время не хватает. Есть еще нечто, чего он не может заполучить. Везде ему кажется, что чего-то недостает, что-то видел, но не то. Попал в Петербург, но — не рассмотрел, недочувствовал. Вам это близко?

— Там провинциал, по-видимому, в другом смысле... Человек, как мы его делаем, творческий, он по ощущениям везде провинциал на этом празднике жизни.

ИРИНА КОРНЕЕВА

Время МК — 2003 — 19 апр. — с. 7.

124